

— Господин Легран, вы обрели в одном коротеньком интервью, что приехали на праздник, на праздник кино и молодости.

— Это я сообщил в аэропорту.

— И вы ходите на фестивале с этим же ощущением?

— Вы знаете, я не очень доверяю своим ощущениям. То есть понятно, что в молодости считал, что они — непреложная инстанция, однако годы прошли, и наделано столько ошибок, что, ух, страшно даже. Но вы знаете, я обзавелся за прошедшие годы одним необыкновенно ценным качеством: я стал принципиальным!

— В каком смысле?

— Лишь в том, что теперь не спешу отказываться от своих принципов, как раньше. И жить стало проще. Меньше разочарований, так что если я сказал, что жду праздника, так я его и жду. И я его чувствую. А потом я всегда так любил перемену мест, что для меня даже переезд из Парижа в Ниццу — событие.

— Вы не избалованный человек?

— А кто из нашего поколения так уж избалован? Мы жили по-другому, с иными ценностями в голове, с иными привязанностями в душе. Нет, это совершенно не значит, что мне не нравится ваше поколение, современное искусство, просто я как-то с краю. Избегаю резких суждений, категоричных оценок, предпочитаю говорить: “Да, да это интересно!” (смеется) Вот, кстати, посмотрел Дэвида Линча на фестивале.

— И как?

— Невероятно! То есть не то, чтобы я был в восторге, но просто даже близко ничего похожего не видел. Что-то... (Делает рукой пируэт в воздухе.) Нет, вообще мне все нравится. Меня встречают с почестями, радостно. Давеча в ресторане, куда я пришел ужинать, кто-то, подвыпивший, затянул из “Шербурских зонтиков”.

— Вас это развеселило?

— Да, очень, когда я узнал, что это мое, а узнать, честно говоря, было трудновато, то очень обрадовался. В Париже такое очень редко услышишь.

— Почему? Вы там не популярны?

— Все по той же причине: иное поколение требует иных звуков, и как бы мы ни ругали молодежь и как бы ее ни затирали, как бы ни отказывали ей в приоритетах — она на авансцене жизни. Ничего с этим и делать не надо. Если бы против этого правила можно было бы восстать и восстать успешно, уверяю вас, я бы в свое время не оказался на пике славы. Меня бы с моей дерзостью, невыносимой по тем временам, упрятали бы куда-нибудь, например, головой в клубу. И там бы я и гнусавил. А я прорвался наружу, запел во весь голос.

— То есть, простите за бестактность, свое вы урвали?

— Да, и считаю — нет повода мешать теперь другим уры-

Мишель ЛЕГРАН:

“Я постоялец в своей молодос- ти”

вать свое. Это ведь невероятно сложно встать на ноги. Талант талантом, но такое вокруг огромное количество обстоятельств, которые могут не совпасть, разойтись в миллиметре друг от друга, что никогда ты не можешь быть уверен, что повезет. Я прошел все круги восхождения на пик успеха — их больше, чем девять. Дант смягчал акценты — кругов сотни и тысячи.

— Вы думаете, что современное поколение проходит те же круги, что и вы? Вы полагаете, ничего не изменилось?

— Нет, рожать стало легче. В прямом смысле слова — не в метафоричном. А вы что тешите себя надеждой, что жить стало легче?

— Хороший вопрос, я вам за него благодарна. Приятно думать, что несмотря на все — позвольте свести обрушивающееся на голову емким словом “все” — ты все-таки еще тешись себя надеждой. Очень хорошее выражение на обоих наших языках.

— Хорошее. Отличное. Но у него, барышня, нет антонима. Во всяком случае во французском. Да? Нельзя сказать по-французски: я не тешу себя надеждой, правда ведь! Нельзя. Это будет безграмотно. Язык очень гуманен. Иногда гуманнее, чем его носители.

— Вы производите впечатление человека, у которого все очень хорошо.

— Я вас перебыю!

— Сколько угодно!

— Я ведь не хорошенькая женщина, чтобы паниковать при виде зеркала. Вы, кажется, хотели поговорить со мной, как со старичком? А у вас не получается. Знаете, почему?

— Не совсем верная формулировка, но я не стану с вами спорить. Почему же?

— Потому что в отличие от молодых, которым многое предстоит, я уже много сделал. Наверняка, вы скажете:

очень это интересно, все сделать, все совершить! Тоже мне достижение.

— Вообще-то большое достижение, если иметь в виду ваше творчество.

— У вас слезы наворачиваются от “Шербурских зонтиков”? Только честно?

— От фильма?

— От фильма, от музыки, от всего.

— Нет, хотя я очень сентиментальна, но я не люблю “Шербурские зонтики”. А вот музыка замечательная.

— А я плачу, когда смотрю фильм. И ничто меня не наводит на мысль о минувшей эпохе. Вы думаете, я плачу о своей юности?

— Может быть.

— Нет, я просто считаю, что все это очень хорошо сделано. Очень достоверно, и все это — о любви. А ничего прекраснее человечество пока не изобрело. Всю жизнь я писал только во влюбленном состоянии. И я остался в нем, и остался там, среди этих зонтиков. Я постоялец в своей молодости. Да, у меня нет настоящего. Ну и ладно. Что в этом дурного. У меня такое богатство за плечами. Можете не задавать мне вопрос, счастливый ли я человек.

— Ясное дело, зачем его задавать, но, мсье Легран, вы недоговорили по поводу себя и молодежи. Чем хорошо то, что все в прошлом?

— А я так сказал?

— Только что.

— Вот как! А, ну правильно, просто я не совсем точно сформулировал. Когда многое в прошлом, то хорошо себя чувствуешь оттого, что знаешь точно себе цену. Не надо зависть ни от чьего мнения. Конечно, найдутся и завистники, и недоброжелатели, и потом я вовсе не обязан всем нравиться. Но я много сделал. И никому не придет в голову уличить меня в обратном.

— И все-таки вы слишком много глаголов произносите в прошедшем времени.

— Это тоже нормально. Я ведь не математик. Это они — технари — с возрастом становятся все более и более работоспособными. Все больше открывают, все больше знают. А с нами — другое дело. Первозданность чувства — вещь, свойственная молодости. Я уже не вибрирую всем своим существом от вида розового бутона. И мой друг Жан-Люк Годар тоже не вибрирует. И прочие наши сверстники, если они только не в стадии, предвещающей маразм. Разница между нами в том, что одних это обстоятельство печалит, а другие принимают это как должное, умея ценить прошлое и сделанное тобой в этом самом прошлом. Может быть, если вы зададите мне вопрос, хочу ли вернуться в молодость...

— Я бы не рискнула.

— Я вам облегчу задачу. Нет, правда, не хочу.

Со звездами фестиваля беседовала Натэла МЕСХИ

экран и сцена. —

Легран Мишель

31.04.97